

МИХАИЛ
ДЕЛЯГИН

**100-ДОЛЛАРОВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО**

А ЕСЛИ ЦЕНА НА НЕФТЬ УПАДЕТ?

Михаил Геннадьевич Делягин
100-долларовое правительство.
А если цена на нефть упадет?
Серия «Власть в тротиловом эквиваленте»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6111032
100-долларовое правительство. А если цена на нефть упадет?: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0098-1

Аннотация

Михаил Геннадьевич Делягин – российский экономист, публицист и политик. Автор более 900 статей и более десятка монографий, из которых наиболее известны «Экономика неплатежей», «Идеология возрождения», «Мировой кризис», «Россия после Путина», «Как закончится экономический кризис для России» и др.

В своей новой книге М.Г. Делягин рассуждает о проблеме, которая волнует всех российских граждан. Не секрет, что нынешнее состояние нашей страны напрямую зависит от нефтедолларов; вся политика правительства Д. Медведева строится из расчета высокой цены на нефть. Михаил Делягин показывает на примерах и цифрах, что это означает для российской экономики и какие последствия для России будет иметь снижение нефтяных цен.

Содержание

Вместо предисловия	4
БУДЕТ ЛИ НЕФТЯНОЙ АПОКАЛИПСИС?	8
Обернется ли для России апокалипсисом снижение добычи нефти?	8
Сценарии экономической депрессии	11
Кризис! А голод не хотите?	16
ЧТО ДЕЛАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО	20
Первородный грех реформ	20
«Бежать от всяких обязательств...»	22
Будни «модернизации»	24
В тупике корпоративного шантажа	26
ГДЕ НАШ СТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФОНД?	28
Стабфонд: отдать народу или хранить вечно?	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Делягин

100-долларовое правительство

А если цена на нефть упадет?

Вместо предисловия

КТО В МИРЕ ХОЗЯИН?

Мы очень открытая страна. Даже отделенные от соседей «железными занавесами» и моровыми поветриями, мы развиваемся с удивительной синхронностью с ними, а обмен людьми и идеями поразительно интенсивен даже во времена такого уголовного преступления, как «подозрение в шпионаже».

Наше развитие примерно поровну определяется внутренними и внешними факторами. Кстати, одним из неприятных следствий этого является отсутствие у нас общепринятой истории. Это ведь, как ни прискорбно, политическая, сугубо инструментальная наука, служащая важнейшим содержательным инструментом формирования нации, – и при ее формировании представители внешних и внутренних сил трагически уравнивают друг друга. С одной стороны, «западники» не могут примириться с тем, что «русское быдло» (как недавно публично назвала супруга одного из великих театральных режиссеров его актеров, посмеявших робко напомнить ей о сильно задержанной зарплате) смеет определять свою судьбу наравне с блистательными ясновельможными панами. С другой, «почвенникам», – даже после того, как они похмелятся и выберут всю позавчерашнюю капусту из религиозно взлелеянных бород, – становится неизбежно дурно при одной мысли о «проклятой мировой закулисе».

Другой нашей особенностью является опережающий характер развития: мы первыми, пусть даже и в трагически гипетрофированном виде, показываем «прогрессивному» и «передовому» человечеству его будущее. И мир уже выучил: когда Россию душит туберкулез, ему надо закупать препараты от гриппа.

Свои особенности надо знать в переломные времена.

В обычных условиях они могут не играть роли: вы мирно трусите в стае леммингов и просто не имеете возможности проявить индивидуальность.

Но в критических ситуациях, когда вдруг выясняется, что стая бежит не в мегамаркет и даже не на рыбалку, а в пропасть и возникает категорическая необходимость вырваться из нее и пойти «поперек борозды», – понимание своих особенностей становится в прямом смысле условием выживания.

Сейчас именно такое время: мир ломается под грузом глобального кризиса.

При всей его сложности и глубине механика экономической компоненты происходящего оглушающе проста: глобальные монополии, естественным образом сложившиеся на глобальном рынке, естественным же образом загнивают, что внешне проявляется в нехватке спроса и кризисе долгов. Исторически загнивание монополий преодолевалось допуском внешней конкуренции, снижавшей степень монополизации и высвобождавшей технический прогресс из-под их спуда, но недостаточная развитость межпланетных сообщений делает этот стандартный выход невозможным. Технический же прогресс эффективно блокируется монополиями (в том числе пресловутой «интеллектуальной собственностью»), справедливо видящими в нем своего могильщика. В результате их загнивание становится фатальным, ведущим к неминуемому срыву в глобальную депрессию, которая будет тяжелее предыдущей Великой депрессии и может привести к войнам, которые, однако, не смогут вывести

из нее. Ведь Вторая мировая завершила Великую депрессию лишь резким расширением рынков (вместо пяти макрорегионов – США, Британской империи, объединенной Гитлером Европы, СССР и японской «зоны сопроцветания»), снизившим монополизм на каждом из оставшихся: глобальному же рынку расширяться некуда.

Это означает, что глобальная депрессия будет преодолеваться страшнее Великой: не расширением рынков, но их разрушением и разъединением, переходом от единого глобального рынка к макрорегионам – с понятными катаклизмами в большинстве их и на их границах.

Любая объективная тенденция делит людей – пусть даже очень влиятельных – на две группы: одни в силу своего образа действия тщетно пытаются бунтовать против нее, другие – по той же причине, – осознав ее неизбежность, принимают ее и подчиняются ей, стараясь использовать ее в своих целях.

Так и сегодня представители глобальных финансовых структур и связанных с ними информационных технологий, для которых распад глобального рынка на макрорегионы означает тем самым распад пространства их доминирования, категорически не приемлют становящейся все более очевидной перспективы глобального развития. Старательно закрывая глаза и с упоением смакуя малейшие краткосрочные изменения к лучшему, они проповедуют идеологию *business as usual*. Опираясь на мощь ФРС, они способны уничтожить любое организованное сопротивление, – но не способны переломить ход истории. С другой стороны, как представители сравнительно молодых элит, они не могут и понять этот ход, и примириться с ним: их структуры просто накопили недостаточно для этой мудрости жизненного опыта.

С другой стороны, представители старых глобальных элит, сравнительно свободных от структур американской государственности, способны сохранить власть и влияние и в разделенном мире просто за счет трансграничной деятельности. Более того: совсем недавно, до создания глобального рынка именно это было основным способом их функционирования, – и для них разделение глобального рынка на макрорегионы будет означать всего лишь возвращение в простой, понятный и совсем недавний «золотой век». Именно поэтому (а отнюдь не только в силу мудрости, приходящей с возрастом) данные элиты оказались в состоянии принять объективный ход вещей и, не пытаясь бесплодно бунтовать против них, попытаться обернуть их на свою пользу.

Демонстративное объединение структур Ротшильдов и Рокфеллеров, незначительное относительно масштабов деятельности этих групп, стало манифестацией именно второго подхода: конкурирующие глобальные группы осознали единство своих интересов на фоне разрушительной стратегической неадекватности доминировавшей длительное время «группы ФРС».

Принципиальное расхождение между этими двумя глобальными группами и начинающаяся борьба между ними четко отражаются и в практической политике, и в идеологии.

Для России политика «группы ФРС», ориентированной на сохранение глобального рынка, означает сохранение непосильного груза глобальной конкуренции, полное подчинение элиты глобальному управляющему клану, продолжение курса Горбачева-Ельцина-Путина и, в конечном счете, уничтожение в судорогах того или иного системного кризиса.

Группа же, признающая разделение мира на макрорегионы, в принципе готова допустить и складывание собственного макрорегиона Россией. Для нее это во многом вопрос бизнеса: чем больше макрорегионов, тем больше границ между ними и тем выше доходы от организации пересечения этих границ. Для России же это вопрос выживания: если высшей точкой развития болтовни о постсоветской реинтеграции, идущей с 2006 года, останется Таможенный Союз, она достаточно быстро превратится (пусть даже и без формального

переноса государственных границ) в совокупность никому не нужных и оттого умирающих окраин Китая, Европы и исламского мира.

Альтернатива этой перспективе появилась только сейчас: когда часть глобального бизнеса перестала рассматривать как интеграцию на постсоветском пространстве с участием России как абсолютно неприемлемую для себя катастрофу.

Это дало правящей Россией офшорной аристократии огромный исторический шанс – просто потому, что до этого любое нелиберальное поползновение автоматически пресекалось западными держателями ее активов. Теперь же возможность развития страны и, более того, складывания ею собственного макрорегиона становится не просто «кошерным» образом действия, но и – потихонечку – глобальным мейнстримом.

И Путин с невероятной быстротой, заставившей вспомнить начало 2000-х, схватился за эту идею. Его слова на позорном в остальном для России саммите АТЭС-2012 о необходимости создания многих региональных резервных валют есть решительное и однозначное принятие стороны «старой» группы глобальных элит в ее противостоянии уходящей «группе ФРС», – принятие, впервые за последние десятилетия приоткрывающее перед Россией терпимую стратегическую перспективу.

Конечно, правящая тусовка не становится от этого лучше, – но, как написал один из выдающихся советских социальных технологов, «когда господь вышел из болот, ноги его были в грязи».

Решительное включение в глобальный конфликт дает рациональное объяснение и полету Путина на дельтаплане. Выгляда внешне как продолжение постыдной «игры в бадминтон на комбайнах», он является демонстрацией личного бесстрашия и гуманитарно ориентированной силы: публично пользуясь крайне ненадежной и абсолютно уязвимой техникой, которой является дельтаплан, Путин, как Мао своими легендарными заплывами по Янцзы, демонстрировал свою мощь и решимость.

Другое дело, что человек, некритично воспринимающий советы политтехнологов, обычно напоминает умалишенного, – но изменение глобального контекста, по крайней мере, позволяет найти его поступку (а главное, оголтелой рекламной шумихе вокруг него) не просто цензурное, но и рациональное объяснение.

Так или иначе, но конфликт между «хозяевами мира» открывает для России возможность развития, а для общественной мысли – возможность антилиберального, антифашистского по своей сути ренессанса.

Ведь только наивные филологи и буквоеды думают, что либерализм сегодня – это любовь к свободе.

В политике, да и в экономике либерализм – это глубокое, искреннее, незамутненное убеждение, что государство должно служить не своему народу, а глобальным монополиям, а если их интересы несовместимы с выживанием этого народа, то это его проблемы.

Если посмотреть на последствия такого подхода: вчера в неразвитых странах, сегодня в России и завтра в уже десятилетие все менее «золотом» и все более «позолоченном» миллиарде, либерализм – это сегодняшнее обличье фашизма.

Того самого, который разгромили наши деды и прадеды 67 лет назад, того самого, который изнутри возобладал в нашей стране в последние четверть века национального предательства.

Недаром опрос в Интернете и соцсетях, – конечно же, не репрезентативный в строго научном смысле слова, – дал результат, перед которым я сам замер в испуге и смущении: из 3,8 тыс. ответивших на вопрос, что нанесло больший ущерб России, – нападение Гитлера или либеральные реформы, – лишь 11,2 % назвали в качестве большего вреда гитлеровский фашизм. Абсолютное большинство – 74,0 % – считают последствия либеральных реформ последних лет более страшными. 5,6 % затруднились с ответом, а вот не принявшие подоб-

ную постановку вопроса также делятся весьма знаменательным образом: считающих наше-ствие Гитлера благом больше, чем считающих благом либеральные реформы – 5,0 против 4,1 %, или, в абсолютном выражении, 190 против 157 отморозков (ибо это действительно так).

Данные пропорции свидетельствуют о глубоком нравственном здоровье и здравомыслии, по крайней мере, Интернет-сегмента российского общества, перед которым открывается возможность гуманитарного, цивилизованного, антилиберального – антифашистского ренессанса.

Будет очень трудно и очень страшно.

И, возможно, у нас ничего не выйдет, и мы погибнем.

Но серьезная, системная надежда, – говорю это как человек, работавший в государстве с 1990 по 2003 год, – появилась впервые за всю жизнь нашего поколения.

Упустить этот шанс – значит упустить жизнь.

БУДЕТ ЛИ НЕФТЯНОЙ АПОКАЛИПСИС?

Обернется ли для России апокалипсисом снижение добычи нефти?

(интервью М. Делягина для интернет-издания «Накануне. RU», 25.09.2012)

Россия вступает в период, когда не будет расти экспорт и добыча нефти. Об этом накануне Владимира Путина предупредил министр экономического развития Андрей Белоусов. По словам министра, при таком раскладе дел, не удастся сбалансировать бюджет и осторожно напомнил президенту о том, что еще есть дорогие обещанные «пряники» в виде расходов на оборонку и соцвопросы. А вы создавайте хорошие условия для освоения новых месторождений, тут же парировал Путин. Тем не менее, по словам экономических экспертов, одним только качанием нефти и газа проблему не решишь. Рецепт выхода из кризиса прост – перестать красть. Об этом и не только – читайте в интервью Накануне. RU с руководителем Института проблем глобализации Михаилом Делягиным.

Вопрос: Обернется ли для России апокалипсисом снижение добычи нефти и возможное падение цен на «черное золото», о котором шла речь на встрече министра Белоусова и Президента Путина?

Михаил Делягин: Господин Белоусов – это редкий для пореформенной России случай профессионального министра экономического развития, это вообще второй случай после Шаповальянца, и потому я доверяю Белоусову в том, что он говорит относительно снижения добычи объемов нефти. Хотя в этом году у нас возобновился рост добычи нефти, и по итогам первых восьми месяцев наблюдается положительная динамика. Ситуация такова, что теперь, чтобы увеличить объем добычи нефти на 1 %, нам надо очень значительно, примерно на 3 %, увеличить объем буровых работ. И каждая новая тонна нефти дается все большими деньгами и все большими усилиями. Представления о бескрайности наших кладовых сильно преувеличены.

Но что касается снижения цены на нефть, тут у меня стопроцентной уверенности нет. Когда мир рухнет в глобальную депрессию, тогда всем будет не до сырья. И тогда цены на нефть действительно упадут. Упадут сильно – может быть, даже до 60 долларов за баррель. 30 долларов за бочку нефти – маловероятно. Даже если ситуация будет хуже, чем в 2008 году, когда мы наблюдали падение до 34 долларов. А вот 60 долларов, даже с учетом обесценивания американской валюты, это вполне возможно. Но это не сейчас и даже не в следующем году. Сейчас нет никаких оснований для таких разговоров. Думаю, что следующий год мы еще как-то переживем, он хоть и будет 13-й, но это не «общемировая» пятница. Все разговоры о том, что сейчас нефть упадет, не учитывают двух факторов. Во-первых, не учитывается инфляция, то есть обесценивание доллара.

Во-вторых, нынешняя цена на нефть, 105 долларов за баррель, это совсем не те 105 долларов в 2008 году. Это разные доллары с разной покупательной способностью. Сейчас из-за загнивания глобальных монополий мир падает в депрессию. Это влечет сжатие коммерческого спроса, и все крупные государства вливают деньги в свои экономики, чтобы поддержать этот коммерческий спрос, чтобы он находился на приемлемом уровне. Так делают

и американцы, и европейцы, и китайцы. Но эти деньги все равно просачиваются на спекулятивные рынки, даже в Китае, а самым спекулятивным из всей является рынок нефти. Так что бояться того, что прямо завтра нефть будет стоить 20 копеек за тонну и все рухнет, я считаю неправильным.

Другое дело, что есть такое понятие, как структурный дисбаланс экономики. У нас экономика страдает от роста коррупции и от увеличения произвола монополий. Но министр экономики не может прийти и сказать: «Дорогой товарищ президент! Друзья и коллеги что-то стали воровать больше обычного, и экономике от этого стало худо!». Поэтому он культурно оформляет эту мысль и говорит, что есть большие риски, к которым надо готовиться, и мы будем иметь экономические проблемы не из-за роста коррупции и произвола монополий, а из-за падения цен на нефть, которые нам не подвластны. Это нормальный «царедворческий» ход, когда плохие новости доводятся до начальства без прямого указания в том, что начальник виноват. Это первая версия, а вторая заключается в том, что, может быть, Белосусов решил перестраховаться. Для того, чтобы план перевыполнить, его, по старой советской привычке, сначала нужно занизить. Я думаю, что тут сработал и первый, и второй фактор.

Вопрос: Может ли эта информация, по-Вашему, быть как-то связана с внесением в Думу бюджета и возможностью его корректировки в худшую сторону из-за таких прогнозов?

Михаил Делягин: Бюджет по-прежнему сильно зависит от цен на сырье. Но я уже сказал, что цены вряд ли упадут так стремительно, что основной финансовый закон придется пересматривать. Даже если цена снизится до 100 долларов или еще чуть ниже, чтобы там ни кричали люди из Минфина, никому от этого холодно не станет.

Вопрос: Почему мы не разрабатываем новых месторождений нефти? Это чья-то халатность или целесообразность работ регулирует «невидимая рука рынка»?

Михаил Делягин: Скорее последнее. При цене 20 долларов за баррель никто не будет смотреть даже на самое перспективное месторождение, а при цене 80 долларов в борьбе за право освоения этого участка могут и убить. Кроме того, у нас крайне неэффективное регулирование в добыче сырья. У нас невыгодно разрабатывать маленькие месторождения нефти и газа. В Канаде, например, выгодно черпать нефть ведрами из земли, если, конечно, такое становится возможным. Кроме того, у нас хищнические технологии. Например, некоторые месторождения газа используются настолько неэффективно, что там, используя современные «ноу-хау», можно добывать газ «по второму кругу». У нас огромные природные запасы, но беда в том, что при сегодняшней организации дела и при сегодняшнем налоговом режиме, каждая новая тонна нефти дается дороже, чем предыдущая, и при таком отношении к делу наши запасы, как я уже сказал в начале, не выглядят такими бездонными. Хотя мы можем, если захотим, еще лет 10 купаться в нефти.

Вопрос: После вступления России в ВТО мы можем потерять контроль над технологиями добычи нефти, ведь производством и поставкой бурового оборудования занимаются всего четыре крупные компании в мире и все они американские. Есть ли в этом угроза?

Михаил Делягин: Действительно. Есть четыре фирмы, которые владеют всем комплексом технологий, которые необходимы для добычи нефти. Но это произошло потому, что никто в мире этим системно не занимался. Если будет государственная воля, и наши ученые и производственники начнут этим заниматься системно, то мы сможем наверстать упущенное за эти годы. Кроме того, эти фирмы работают на коммерческой основе. Если вы придете к ним и попросите освоить месторождение, разработка которого стратегически невыгодна для Америки, то, несмотря на все окрика Госдепартамента, они начнут осваивать это месторождение. Более того, одна из этих четырех фирм из-за давления ушла из США и перерегистрировалась в Катаре. Так что эта угроза весьма условна. Есть другая достаточно примитивная проблема. Надо обеспечить рост производства буровых установок, поскольку необходимость в них растет по гиперболе. Если нам удастся изменить образ ведения хозяй-

ства, то мы можем ничего не бояться. Но для этого нам нужны глубокие политические изменения. А пока мы имеем то, что имеем, а министр экономики, увы, не тот человек, который должен говорить президенту о политических изменениях.

Сценарии экономической депрессии

(интервью для издания «Свободный курс», 20.09.2012)

Ожидание экономического кризиса стало одной из самых обсуждаемых тем последних месяцев. Варианты развития событий предсказывают разные: от небольших колебаний курса рубля до крушения цен на нефть и последующей длительной экономической депрессии. По прогнозам экспертов, развязка произойдет уже этой осенью. К чему готовиться на самом деле и чем новый кризис, если он грянет, будет отличаться от предыдущих? Об этом мы попросили рассказать известного российского экономиста, директора Института проблем глобализации Михаила Делягина.

– Давайте начнем с того, что кризис – это не конец света, – заявил Делягин в ответ на просьбу об интервью для «СК». – Это всего лишь кризис, а не катастрофа, поэтому не нужно загонять себя в депрессивное состояние. Жить в эпоху экономической депрессии – удовольствие ниже среднего, но с этим придется смириться.

– Откуда ждать угрозы? Есть версия, что спровоцировать «вторую волну» может Греция, кто-то ждет проблем из США, а некоторые полагают, что все проблемы исключительно у нас.

– Специфическая особенность России заключается в том, что происходящие события примерно поровну определяются внутренними и внешними факторами. И здесь нужно понимать, что есть кризис наш собственный, внутренний, а есть глобальный – внешний. Они, скорее всего, совпадут и будут усиливать друг друга.

То есть, если бы в мире было разлито райской блаженство, мы все равно были бы обречены на глубокий системный кризис. Это как если бы в 1998 году цена нефть была не 9 долларов за баррель, а 109, то дефолт при тогдашнем уровне воровства произошел бы все равно, пусть и позже. То же самое и сейчас. А обострение мирового кризиса, скорее всего, станет катализатором нашего.

При этом, если бы и у нас сейчас был рай на грани коммунизма, то мировой кризис по нам бы тоже ударил, и не факт, что этот рай и коммунизм выстояли бы.

Дело в том, что человечество завершает сразу несколько периодов своего развития и испытывает целый ряд глубокий и очень разных изменений. Начиная от биосферных, которые бывают 1–2 раза за все время существования вида, и исторических, которые бывают раз в несколько тысяч лет, и заканчивая экономическими, которые связаны с тем, что сложился глобальный рынок, на котором доминируют монополии.

Очень забавно, что наше начальство на это реагирует. Так, на саммите АТЭС Путин сказал совершенно замечательную фразу: «В мире должно быть много резервных валют».

Это отражает качественно новую ситуацию, сложившуюся буквально в последние месяцы: в глобальном управляющем классе, основу которого образует глобальный бизнес, обозначилась четкая линия фронта. Вчерашний и сегодняшний хозяин мира начал раскалываться на две враждующие группировки. Первая опирается на Федеральную резервную систему США и эмиссию доллара, что делает ее кровно заинтересованной в сохранении единства глобального рынка. Но другие, не столь привязанные к американской финансовой системе, члены глобального управляющего класса видят, что мир рассыпается на макрорегионы. В конце концов, и евро, и китайский юань при всех своих реальных и придуманных недостатках – резервные валюты огромных макрорегионов. И Путин своим заявлением совершенно четко встал на сторону одной из этих группировок. Зачем ему это понадоби-

лось и понимал ли он вообще стратегический смысл своих слов – совершенно отдельный и исключительно интересный вопрос, но нам важнее результат: президент России очень четко встал на одну из сторон в глобальном конфликте.

Конечно, сегодня никто не будет предпринимать системные усилия по созданию отдельного российского макрорегиона, – просто потому, что в этом случае надо думать о чем-то и делать что-то, кроме «распила».

– *И все-таки когда ждать второй волны кризиса, о которой так много говорят?*

– Рассуждения о второй волне – это лирика. Первая волна была в США, вторая – в Европе, она еще продолжается. В 2014 году, если доживем, долговой кризис накроет Великобританию. Третья волна будет в Китае. Но какая из них и как именно сорвет мир в глобальную депрессию, непонятно.

На Западе уже отказались рассуждать в категориях «первая-вторая» волна. Мир просто трясет. Если вы на машине на скорости 150 км/ч вылетаете на гравийную дорогу, вас трясет и мотает, и вы не знаете, куда вылетите. С экономикой то же самое.

В качестве утешения могу сказать, что в ближайший год ничего катастрофического с высокой степенью вероятности не произойдет. Потому что никто этого не хочет и все прилагают усилия, чтобы этого не случилось, в полной мере учитывая уроки Великой депрессии, в которую свалились именно в 1929 году по простой человеческой глупости: ресурсы протянуть еще 2–3 года у тогдашних развитых стран были.

Так что минимум год у нас есть, и у глобальной депрессии могут быть свои интересные стороны.

Например, если Грецию выдавят из еврозоны, это будет большая беда для нее и для Европы, но хороший подарок для России. Потому что мы сможем подобрать Грецию и включить ее в свою зону интеграции. Помимо транспортных возможностей, Греция производит продукцию, которой у нас нет, – например, оливки и неплохое вино (которое может вытеснить с нашего рынка значительную часть европейского). Греция может восстановить производство табака. И, наконец, туризм: после закрытия Египта торжеством тамошней демократии лишённой конкуренции Сочи сгниет, – а курорты Греции могут стать хорошим конкурентным фактором для оздоровления нашего Черноморского побережья.

Но, думаю, Грецию из Евросоюза никто выкидывать не будет. Более вероятно, что ей разрешат ввести драхму для внутренних расчетов без выхода из еврозоны.

Есть еще один сценарий мирного ухода в «депрессию», но, надеюсь, он не случится. Если американский госдолг достигнет лимита до их президентских выборов (в начале сентября он достиг 16 триллионов долларов при лимите в 16,4 триллиона), то у них возникнет необходимость принять решение о его повышении. Процедура по сути формальная, но республиканцы теоретически могут упереться и свалить демократов экономическим оружием, устроив США технический дефолт. Тогда мир автоматически срывается в глобальную депрессию.

– *А в чем будет заключаться внутренний кризис, о котором вы упомянули?*

– У нас сложилась уникальная модель, которая случалась в мире так редко и так недолго, что историки просто не успевали ее описать. Но в силу уникально высоких цен на нефть и исключительного терпения русского народа у нас она существует уже почти четверть века. Модель очень простая: ресурсы страны используются не для общественного блага, а преимущественно для личного обогащения правящей тусовки. Понятно, что элита никогда про себя не забывает. Но одно дело, когда я строю дом для всех, а по дороге немножко подворовываю, – и совсем другое, когда такое воровство совершенно искренне массово считается смыслом даже не собственной жизни, а всей государственности.

Значительная криминальная часть правящей тусовки грабит советское наследство по принципу «краду на копейку, рушу на рубль». Смысл российской государственности для

этих людей – превращение богатств народа в свои частные богатства и их легализация в фешенебельных странах.

Эта модель несовместима не только с развитием, но и просто с жизнью. Если паразит сосет кровь из организма слишком быстро, то тот умирает. А наша тусовка – это паразит, которому не хватает ума поддерживать симбиоз.

Понятно, что такая модель государства и экономики предопределяет незащищенность собственности, деградацию населения и так далее. Наиболее характерным внешним проявлением этой модели является высокий уровень коррупции. Она сегодня производит впечатление основы государственного строя, и строго говоря, употребление термина «коррупция» сегодня неправильно. Потому что оно просто по смыслу слова означает «отклонение от нормы». Ситуация же, когда коррупция является нормой, а все остальное, вроде честности и попыток развивать страну, является отклонением, описывается в терминах «компрадорское» или «трайболистское государство».

– *И что сейчас происходит с этой моделью?*

– В 2011 году произошел качественный перелом. Наша экономика впервые перестала реагировать на резкий рост цен. Цены на нефть выросли на 38,2 %, а экономический рост не ускорился. Как был 4,3 %, так и остался. То есть прежняя модель нефтяной экономики выработала свой ресурс. Это как в машине, когда вы газуете изо всех сил, а ее скорость не увеличивается. При этом еще и сама скорость является абсолютно недостаточной.

В 2005 году правительство поставило лучшим российским макроэкономистам задачу: определить параметры, которые являются минимально необходимыми для поддержания социально-политической стабильности страны. Люди работали добросовестно, работа была сделана выдающаяся: они пришли к выводу, что ключевым параметром являются темпы экономического роста. Если рост менее 5,5 %, то поддерживать социально-политическую стабильность на протяжении длительного периода невозможно в принципе.

В конце 2008-го и 2009 году у нас не было роста из-за кризиса, в 2010 мы из него мучительно выползали, – но когда в 2011 году цена на нефть здорово выросла, а экономический рост нет, то стало ясно, что пороговых 5,5 % в этой модели мы уже не достигнем никогда. А это значит, что экономическая модель свое отработала. Потому что группам влияния на всех не хватит сладких пряников, и они начинают грызть друг друга, разрушая социально-политическую стабильность. И первой жертвой уже стала наиболее бесправная в условиях «суверенной демократии» группа влияния – население.

Начало крушения стабильности мы увидели в 2011 году, когда на протяжении первых 10 месяцев реальные доходы населения были ниже, чем в аналогичном периоде предыдущего года, даже по официальной статистике, которая приукрашивает реальность изо всех сил.

Только предвыборная накачка средств смогла немного исправить эту статистику.

В этом году ситуация в принципе та же самая: если мы из официальных данных убедем миллионеров и возьмем даже официальный уровень инфляции, то увидим, что реальные доходы населения продолжают снижаться. Понятно, что, когда система не обеспечивает своим гражданам нормального материального уровня, она обречена. И мы, таким образом, валимся в социально-экономический кризис по экономическим причинам.

– *Как подготовиться к этой ситуации? Некоторые наши граждане уже запасаются долларами, другие скорее берут что-нибудь в кредит – пока есть такая возможность.*

– Можно сберегать до 700 тысяч рублей в госбанке – такие вклады застрахованы. При этом лучше в валюте, потому что рубль, скорее всего, будет слабеть. И сумма вклада, разумеется, должна учитывать возможность этого ослабления.

Полезная штука – золотые инвестиционные монеты, потому что при их купле-продаже не платится НДС. Но при этом надо очень внимательно смотреть на их состояние – малейшая царапина, и у Вас их купят уже только с большой скидкой.

А вообще в такое время нужно учиться, повышать свою психологическую устойчивость, укреплять здоровье. Все это поможет адаптироваться к любым сложным временам. А самое главное – наращивать круг друзей. Как говорят, «не имей сто рублей, а имей сто друзей». Деньги отнимут, а вот друзья и дети, если они правильно воспитаны, останутся.

И главное – не поддавайтесь панике. Знаете, моя мама в начале 50-х годов жила в центре Москвы не то что без газа, но и без горячей воды. До сих пор в некоторых районах российских городов-миллионников, например, в Перми на окраине Мотовилихи, нет водопровода. Мы исторически привыкли жить в катастрофических условиях. Чего бояться? Да, понятно, что в кризис может быть тяжело. Но убивает не ухудшение условий жизни, а паника, – и необоснованный оптимизм.

Американцы проводили исследования на эту тему среди своих солдат и офицеров, побывавших в плену во время вьетнамской войны, и выявили, что первыми погибали именно оптимисты. Они считали, что их освободят через неделю, через месяц, через два... А потом они отчаивались, опускались и умирали. Выживали те, кто понимал, что попали всерьез и надолго, что это новые условия и жизнь теперь такая.

То же самое в кризис. Умейте принимать то, что не можете изменить. Да, это плохие условия, они несправедливые, они меня возмущают. Но то, что я не могу исправить или от чего я не могу убежать, я должен принять.

– Во время кризиса 2008 тогда у нас была политическая стабильность и однородность. Сейчас кризисный сценарий будет разворачиваться на фоне регулярных митингов и нарастающего недовольства со стороны общества. Кто-то даже уверен, что в кризис режим падет. Как это отразится на власти?

– Режим падет, но неизвестно, будет ли от этого лучше. Думаю, Путина мы еще будем вспоминать как гуманиста и демократа. Потому что активная часть нашей либеральной оппозиции меня тоже пугает.

Лучше всего ее характеризует история с националистом Марцинкевичем, который решил баллотироваться в Координационный совет оппозиции. Организаторы выборов официально заявляли, что их выборы свободные и они регистрируют «хоть Путина, хоть Марцинкевича». Марцинкевич наслушался всего этого, подал документы, – и сразу выяснилось, что он не годится, потому что он недостаточно оппозиционный человек. Как будто Путин достаточно оппозиционный.

Весьма вероятно, что Марцинкевич – провокатор. Но вопрос в уровне морали. И я не всегда вижу отличие Чуровых в Центризбиркоме от Чуровых в оппозиции. Сам Чуров, глядя на эти выборы, вполне может сказать: «Я не фальшебник, я еще только учусь».

Сейчас, когда я хожу на митинги, то хочется плакать точно так же, как в 90-е. Потому что либералы, стоящие на трибунах, скорее всего, обманут надежды народа. В ближайший год протест будет переливаться в регионы. Уже 6 мая на Якиманке было много людей даже из дальних областей. Протест будет распознаться по стране в силу ухудшения социальной ситуации. Этой осенью он в регионах проявится, следующей весной он будет серьезен и уже следующей осенью ситуация может выйти из-под контроля. И он будет менять лицо оппозиции – от либерального, образца конца 80-х и 90-х, к социально-патриотическому.

Нынешний московский протест абсолютно полностью контролируется либералами. Заметные нелиберальные люди типа Удальцова или Пономарева значимой роли, насколько могу судить, не играют. Но либералы оторваны от страны.

Простейший пример – выборы в Химках. Там был вице-мэр, отличный хозяйственник, который мог бы стать вполне приличным главой. Вместо этого взяли Чирикову, которая

бурно протестовала, насколько могу судить, против того, чтобы перед ее коттеджем прошла скоростная автомагистраль. Чирикова, несмотря на свою известность в Москве, в Химках известна мало, да и сама она мало что знает о городе, потому что у нее коттедж на окраине. И в своей программе она наговорила несколько откровенных глупостей. И она, несмотря на МВА, не управленец. Поэтому, если бы я был в администрации президента, то сделал бы ее мэром. И не отключил бы свет и воду, не прессовал бы город финансово, – потому что она бы довела Химки до ручки в течение года без всякой посторонней помощи. Но государство у нас не очень умное, поэтому делать так не будет.

Кризис! А голод не хотите?

После повтора страшных лесных пожаров 2010 года, душащих «газовыми атаками» города (правда, Сибири, а не Центральной России), пришел неурожай. Пожары вызваны тем, что в интересах спекулятивного бизнеса либеральным Лесным кодексом практически была уничтожена лесоохрана, а неурожай многократно усугублен безнаказанным произволом монополий и присоединением к ВТО – и вот-вот станет значимым политическим фактором.

Неурожай, который скрывают

По оценкам, погибло 7,6 % посевов. Прямые потери – 36,5 млрд. руб., но Минсельхоз пока лишь обсуждает возможность просить у правительства 6 млрд. и просит страховщиков не тянуть с выплатами. Если верить аграриям, еще не все хозяйства получили страховку за неурожай 2010 года; а доля застрахованных посевов выросла с 4 % до не менее жалких 10 %.

Запасы зерна на начало августа на 14,8 % ниже прошлогоднего. На конец августа урожайность ниже катастрофического 2010 года: намолочено 19,2 центнера с гектара против тогдашних 20,3. Об уровне прошлого года – 26,3 ц/га – и не мечтают. Тогда собрали 93,8 млн. т зерновых, официальный прогноз на этот год снизился с 86 до 75 млн. т, а специалисты ждут совпадения урожая с уровнем внутреннего потребления – 71,5 млн. т.

Это выше, чем в 2010 году (63 млн. т), но качество пшеницы сверхнизкое. Пшеница 1-го класса в России почти не выращивается, на 2-й класс приходится не более 0,1 %, на 3-й класс – около четверти. Основа урожая – пшеница 4-го класса, которая при Советской власти не считалась даже продовольственной, а только фуражной.

Переходящие запасы зерна оцениваются в 17,8 млн. т, но хранятся плохо. Элеваторы обветшали, их владельцы злоупотребляют монопольным положением, и многие хозяйства хранят зерно у себя – часто в амбарах, как при крепостном праве. 30 % производителей зерна не имеют даже амбаров.

Поэтому зерно портится и гибнет, а иногда и вовсе, как показывают проверки, исчезает.

Реальные запасы ниже официальных. Неурожай делает необходимым госрегулирование – вплоть до ограничения экспорта: сейчас законтрактовано 12,1 млн. т, но без ограничений экспорт может превысить и 20 млн., создав дефицит. А вице-премьер Дворкович заявил о ненужности даже зерновых интервенций, привычных еще с 2003 года.

Это органично для либералов, считающих всякое госрегулирование сатанизмом, и помогает нажиться на страданиях общества «социально близким» к ним спекулянтам. Так, традиционное запаздывание зерновых интервенций делает их инструментом поддержки не производителей, а перекупщиков.

Откладывание реакции на неурожай драматически усугубляет его последствия. Присоединение России к ВТО привело к запрету ряда привычных мер поддержки сельхозпроизводителей, а времени на освоение разрешенных сложных методов уже нет.

Сейчас, в отличие от 2010 года, неурожай глобален: в США самая сильная засуха за 56 лет. Мировые цены летят вверх – и импорт (а Россия закупает даже пшеницу 3-го класса) будет дорогим.

Спекулянты на тропе войны

Российская торговля, похоже, монополизирована не хуже ЖКХ. Из-за засухи 2010 года в разы подскочили цены на гречку и пшено, причем, чудовищный дефицит гречки, насколько можно судить, был организован искусственно: склады страны буквально ломались от гречки прошлых урожаев.

Медведев лично описал это преступление – но, как пишут в титрах голливудских фильмов, «ни одно животное не пострадало». Это стало для спекулянтов гарантией безнаказанности, своего рода «лицензией на грабеж» народа России и этой осенью породит новые искусственные дефициты и завышения цен.

«Процесс пошел»: с 1 по 27 августа пшеничная мука подорожала на 5,1 % (больше, чем за предшествующие семь месяцев), куры – на 3,6 %, белый хлеб – на 2,5 %, серый и черный хлеб – на 2,4 %, пшено – на 2,0 %. Пермьяки сообщают, что в сетевых магазинах почти исчезли овсяные хлопья, пшено, другие крупы.

Недаром Минэкономразвития только что повысил прогноз инфляции. На фоне роста тарифов ЖКХ, цен на бензин и, вероятно, на лекарства удорожание еды больно ударит по народу и усилит его возмущение. Не стоит забывать, что Февральская революция началась с голодного бунта, возникшего из-за спекуляций средней руки чиновников питерской мэрии, – а продовольствия было достаточно.

Остановка экономики

Ключевой признак нежизнеспособности компрадорской экономики России – резкое торможение роста ВВП при комфортной цене нефти. По данным Минэкономразвития, он снизится с 4,3 % в 2010 и 2011 годах до 3,4 % в 2012. Поскольку в первом полугодии он составил 4,4 %, – во втором он рухнет примерно до 2,4 %.

Этого срыва не объясняет ни засуха, ни бегство капитала (хотя за 11 месяцев ушло более 100 млрд. долл.): трайбализм офшорной аристократии доедает Россию. А поддерживать социально-политическую стабильность при росте ниже 5,5 % в рамках путинской модели нельзя даже теоретически.

Причина слома ситуации очевидна: кромешная коррупция, напоминающая пир правящей тусовки во время чумы глобального кризиса, и обеспечивающий ее деньгами тотальный произвол монополий надломили хребет «нефтяной экономики».

Истребляя страну, наивно ждать, что ее экономика при этом будет «подниматься с колен» – пусть даже и в коленно-локтевую позу, пусть даже и под золотым дождем нефтедолларов.

Разрушение экономики под бременем безумной политической системы (а коррупция и монополизм выглядят ее квинтэссенцией), как и всякая давно откладываемая неизбежность, оказалось неожиданностью.

Но, когда горит ваша квартира, злорадство по поводу самодура – хозяина дома, лишившего вас прав по управлению ею, при всей своей справедливости, несвоевременно.

Путинская стабильность заканчивается – начинается путинский распад.

Это еще ранняя стадия – и теоретически его можно остановить.

Для этого надо отказаться от либеральных догм, уничтожающих страну и блокирующих развитие, и перейти от стратегии разворовывания России с легализацией украденного в фешенебельных странах, представляющей сутью госуправления всей четверти века национального предательства, к стратегии развития.

Этот переход страшен для власти, ибо означает радикальное ограничение коррупции и произвола монополий, нормализацию социальной политики, разумный протекционизм и комплексную модернизацию технологической инфраструктуры, что, скорее всего, будет воспринято правящей тусовкой, «жадною толпою стоящей у трона», как низвержение основ государственного строя и наглое ограбление правящего класса.

И реакция этой офшорной аристократии может быть такой, что судьба Милошевича покажется Путину пределом мечтаний.

Но другого пути, кроме как сломать эту реакцию (и лучше в зародыше), у сегодняшних «хозяев земли русской» нет: альтернатива – смерть, и не обязательно только социальная.

С технической точки зрения ничего сложного здесь нет: снимите с полки учебник да читайте.

С политической точки зрения это революция.

Но если власть не проводит назревшие реформы, эта власть неминуемо сметается – такова аксиома политики.

Да, конечно: резкое торможение роста – это еще совсем не катастрофа. Это всего лишь тревожный звонок. Но время пошло: «тиканье часов» слышат все политические силы.

Либералы: возвращение к власти?

Либеральный клан (хорошо представленный после президентства Медведева и в силовых структурах) оправился от отказа Медведева соперничать с Путиным.

Новая стратегия очевидна с зимы: согласованные удары обеими кулаками – уличным и аппаратным. Поскольку он служит глобальному бизнесу, путинские друзья и силовики бессильны перед ним, как Коржаков и Сосковец были бессильны перед Чубайсом: деньги всей офшорной аристократии, вне зависимости от клановой принадлежности, выведены на Запад и контролируются одним и тем же глобальным бизнесом. Поэтому противостояние его «штурмовой пехоте» без разрыва с офшорной аристократией для Путина невозможно.

Уличную борьбу с ним мы видели и еще увидим. Последнее проявление аппаратной борьбы – открытое письмо Дворковича в связи с рутинным спором о том, какой клан будет контролировать восстанавливаемую часть электроэнергетики – сетевое хозяйство. Сам жанр открытого письма – демонстрация недееспособности путинской системы управления, публичная оплеуха, – не менее серьезно, чем провокация против силовиков с «Pussy Riots». Беспомощность силовиков напоминает наказание за торговлю детской порнографией не организаторов бизнеса, а вовлеченных в них детей (пусть и развращенных).

Скованный офшорной аристократией Путин сохранится, лишь пока очередной Навальный не вырастет в глазах глобального бизнеса из «подающего надежды» в «толкового менеджера».

Дергаясь в тупике, государство превратило себя в сборище пугающих клоунов, занятых операциями прикрытия. Из-за запрета «Ну, погоди!» (не «Тома и Джерри» или канала 2x2!) забыли о ювенальной юстиции, из-за «Pussy Riots» – не только приватизацию, засуху и пожары, но и других политзаключенных – Аракчеева, Квачкова (которому так и не предъявили обвинения), Ходорковского, Данилу Константинова и жертв полицейской провокации 6 мая.

Вероятно, бюрократия рассчитывает сохранять либеральный контроль за протестом, чтобы, когда тот охватит промзону (показательно предзабастовочное состояние на калужском «Фольсквагене») и станет социально-патриотическим, он рассыпался из-за своей чуждости вождям: новым протестантам даже Путин будет ближе, чем Навальный с Чириковой. А если он поговорит о коррупции и посадит десяток мэров и вице-губернаторов, то на время вернет себе народные симпатии.

Либеральная же оппозиция, похоже, надеется на Февральский заговор, после которого сразу зачистит всех потенциальных несогласных, не говоря о лениных. Либералы тоже учились в школе, и культ Пиночета недаром распространен среди них.

Здоровые силы общества должны воплощать в политике синтез демократических, патриотических и социальных ценностей, овладевать пробуждающейся энергией общества, освобождать ее из-под либерального контроля и направлять на достижение социально-патриотических целей. Надо вырваться из идеологических резерваций и служить всей стране, а не грызущим друг друга маргиналам.

Это столбовая дорога: для нас – к власти, для России – к процветанию.

13.09.2012

ЧТО ДЕЛАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Первородный грех реформ

Ритуальные похвалы с высоких трибун в адрес отечественных реформаторов, обеспечивших «переход к рынку», не способны отменить ни криминального замысла, ни разрушительного способа осуществления либеральных реформ. Ярче всего это проявляется в ставшей их символом приватизации.

Сейчас уже практически всем известны «признательные показания» инициаторов приватизации о том, что главной целью введения ваучеров была передача предприятий России в руки их директоров, – и создание тем самым богатого и влиятельного класса, всецело поддерживающего реформаторов, что бы те ни творили. Это признание означает, в частности, что вся официальная риторика либеральных реформаторов о приватизации, направленной на благо народа, была и остается наглой и циничной ложью.

Помимо массового бессовестного обмана, до сих пор остающегося безнаказанным, помимо ограбления народа и гибели многих предприятий (новые владельцы которых были не только директора, но и спекулянты, просто не справились с управлением в условиях кризиса), приватизация надежно и надолго подорвала мотивы к инвестированию в Россию и ее модернизации.

В самом деле: дешевая раздача предприятий привела к тому, что новому собственнику часто не нужно было их развивать, чтобы вернуть свои деньги. Достаточно было просто высосать из приватизированного завода все соки, а потом бросить его, как труп. Когда цена приватизации ниже остаточной стоимости, это вполне рациональное поведение, особенно в условиях нестабильности!

При этом приватизатор, «высасывая» завод и перекладывая в карман плоды титанического, а порой и каторжного труда советского народа, делает невозможным создание новых производств «с нуля»: ведь инвестор должен, чтобы окупить инвестиции, закладывать соответствующие средства в цену продукции – и проигрывать конкуренцию приватизатору, который может и не восстанавливать нещадно эксплуатируемое им предприятие!

О качестве приватизации и ее разрушительности для российского общества ярче всего свидетельствует то, что вопрос о ее пересмотре и сейчас, через два десятилетия, не уходит с повестки дня. Более того, негласное, но жесткое табу на эту тему в официальных кругах нарушил не кто-нибудь, а лично президент Путин, вполне серьезно обратившийся в одной из своих предвыборных статей 2012 года к теме компенсационного налога.

И пусть он не стал возвращаться к этой теме, вновь став президентом, – для понимания важности и непреходящей актуальности темы достаточно было одного такого обращения. Компенсационный налог, впервые примененный в Великобритании по итогам тэтчеровской приватизации, возвращает государству (а в его лице – всему народу) разницу между действительной рыночной стоимостью приватизированного (пусть даже много лет назад) имущества и тем, что за него было заплачено. Этот налог представляет собой разумный компромисс между справедливостью и интересами бизнеса, так как средства, заработанные приватизаторами с помощью купленного ими по дешевке, остаются у них. Более того, в ходе вспыхнувшей после предложения Путина стихийной дискуссии родилось вполне разумное предложение: предоставить владельцу собственности возможность выплаты компенсационного налога не деньгами, что может подорвать финансовое положение предприятия, но его акциями.

Это сразу отделит предпринимателей, развивавших предприятия после приватизации, от спекулянтов, сосавших из них соки: у первых доля уходящих государству акций будет незначительной (так как основную часть стоимости собственности создал предприниматель – своей энергией), у вторых – доминирующей.

Тем самым, помимо восстановления справедливости (а несправедливая экономика, как мы слишком хорошо знаем на примере современной России, не бывает эффективной), произойдет выделение из общей массы и упрочение вождя «эффективного собственника», которым бредят вот уже два десятилетия либеральные реформаторы. Но главное – компенсационный налог подведет черту под варварством приватизации и, засыпав пропасть между ограбившими и ограбленными, восстановит единство российского народа и самой России.

Вероятно, именно это является главной, принципиальной причиной истерического неприятия либералами самой этой идеи. Но народ, творя историю, восстановит справедливость: важно лишь, чтобы цена ее не оказалась слишком высока.

14.09.2012

«Бежать от всяких обязательств...»

(интервью М. Делягина для газеты «Коммерсант», 28.09.2012)

Таргетирование инфляции, отмена валютного коридора и свободный курс рубля. Таков план денежно-финансовой политики Центробанка на 2015 год. Об этом агентству «Прайм» заявил зампреда ЦБ Алексей Улюкаев. Он добавил, что инфляция через три года будет снижена до 4–5 %. Директор Института проблем глобализации Михаил Делягин обсудил ситуацию с ведущим Андреем Норкиным.

– Почему именно 2015 года, можете объяснить, почему такой выбран год?

– Я думаю, что это принцип Ходжи Насреддина: «Или ишак сдохнет, или эмир умрет». А все уж точно забудут, потому что все-таки это будет через два года. В целом, мы вступаем, мы живем сейчас в эпоху мирового кризиса. В этих условиях отказываться от валютного коридора, отказываться от сознательного и целенаправленного регулирования валютного рынка – это преступление.

– Может быть, есть какое-то объяснение, почему Центробанк настаивает на том, что валютный коридор нужно отменять? Пусть не сейчас, пусть через два года.

– Во-первых, любая административная структура склонна стремиться бежать от всяких обязательств. Каким бы широким ни был валютный коридор, он в России имеет обязательства удерживать рубль в рамках этого коридора. Это ограничивает свободу и произвол как свободной игры рыночных сил, так и самих сотрудников Центробанка. Я думаю, вы обратили внимание, что в последние месяцы курс рубля стал очень сильно волатильным, он очень сильно колеблется, вплоть до 80 копеек в один день. Но я сильно удивлюсь, если никто в системе Центрального банка на этих резких колебаниях никакого профита незаконного не делает. У меня на этот счет есть очень сильные подозрения.

– А если отменить валютный коридор, можно как-то предсказать, что будет с курсом рубля?

– Отменить валютный коридор – значит отменить обязанность Банка России поддерживать рубль на стабильном уровне. Это значит, что через некоторое время в мире что-нибудь произойдет, в прошлый раз это было, когда в Европе просто задумались, не обанкротить ли им Грецию, и когда бегство капиталов из России ускорится, то рубль рухнет достаточно сильно и это может привести к дестабилизации всей экономики. С другой стороны, если все будет хорошо – нефть будет дорожать, тогда рубль укрепится до такого уровня, что слишком сильный рубль будет душить российскую экономику, и наша экономика не выдержит этого. Банк России, по сути, снимает с себя обязательства в области сознательной валютной политики, мне это кажется неправильным.

– А что насчет таргетирования инфляции?

– Про таргетирование инфляции я слышу года с 1997-го. И вообще, ситуация, когда рост цен вызван не монетарными факторами, а произволом монополии, возможности Банка России по ограничению инфляции крайне ограничены. И здесь в основном должна быть работа Федеральной антимонопольной службы. Банк России, судя по всему, этого не знает, так что, почему бы не пообещать очередной пряник. Я могу сказать, что в начале 2000-х нам уже обещали инфляцию в 3 %, сейчас обещают в 4–5 %. Некоторое движение к разуму все-таки наблюдается. По структурным соображениям инфляция в сегодняшней структуре российской экономики ниже 6 % не может быть даже теоретически. То есть ее можно сделать

ниже, но ценой развязывания жесточайшего кризиса неплатежей. И обратите внимание, что по состоянию на середину сентября инфляция в этом году уже выше, чем она была год назад.

Будни «модернизации»

Рассуждения о модернизации все ближе к перестроечным разглагольствованиям о «новом мышлении» – а ведь из-за либеральных реформ фраза «модернизация или смерть» перестала быть преувеличением.

Прежде всего нужна модернизация нефтедобычи. Россия стоит на нефти: угроза спада ее добычи – угроза существованию страны.

По официальному прогнозу, в 2011 году будет добыто 509,1 млн. тонн – почти на 4 % больше докризисного. Но даже слабый рост требует невероятных усилий: в 2010 году рост добычи на 2,1 % потребовал увеличения эксплуатационного бурения на 17,3 %; в 2011-м соотношение составило 0,8 % и 10,7 %.

При инерционном развитии добыча начнет снижаться уже в 2012 году, а к 2014-му сократится на 2 % – до 495 млн. тонн.

Хотя бы удержать ее можно лишь интенсивным применением новых технологий. Так, «Роснефть» намерена повысить долю добычи с применением инновационных технологий с 15,3 % в 2010-м до 22,1 % в 2014 году, подняв коэффициент извлечения нефти с 38,4 до 40 %.

Добыча определяется состоянием бурового дела: это нерв страны, который определяет ее будущее вне зависимости от политического и рекламного шума.

Государство понимает это: бюджет увеличивает расходы на воспроизводство минерально-сырьевой базы в 2014 году почти вдвое по сравнению с 2011-м – с 22,3 до 43,5 млрд. руб. Это пятая по темпам увеличения расходов из 95 расходных статей.

Но, хотя мало какую проблему нельзя решить без денег, – еще меньше проблем, которые можно решить только деньгами. И требуемое повышение качества бурового оборудования – не исключение.

Как и везде, в этой сфере в 2000-е шло вытеснение российских производителей импортом. Рынок относительно простого оборудования неумолимо «зачищается» Китаем, еще в 2008 году завоевавшим более половины российского рынка бурового оборудования (за тот год его объем вырос в 3,5 раза – до 1 млрд. долл.; в 2009 году из-за кризиса он сократился вдвое, в 2010 году емкость рынка вернулась на уровень 2007 года, но сейчас она восстанавливается).

Помимо дешевой продукции Китая Россию покоряет оборудование из развитых стран для работы в сложных условиях: за счет надежности и хорошего сервиса в расчете на свой жизненный цикл, несмотря на более высокую цену покупки, оно часто дешевле российского.

Устойчивая тенденция поставила под вопрос судьбу российских производителей бурового оборудования.

Выход, казалось бы, ясен, особенно в свете выдвинутой Путиным идеи реиндустриализации. С одной стороны, чтобы жить, России нужны рабочие места, с другой – доля импорта, без которого нельзя обойтись и который может стать поэтому инструментом внешнего давления, должна быть минимальной. Применительно к производству бурового оборудования это ставит задачу быстрой, глубокой и всеобъемлющей модернизации – вероятно, все еще слишком сложную для правительства, вырабатывающего политику в стиле 90-х: на основе выбора из пожеланий лоббистов.

Результат – введение с 1 января 10-процентной ввозной пошлины на буровые установки. Запугивание импортом китайского оборудования было лишь поводом: при разнице в цене в 33–40 % пошлина не повлияет ни на что.

Она важна для другого сегмента рынка – сложного оборудования для работы в трудных условиях, на котором российские производители противостоят развитым странам. Это лако-

мый кусочек: наша потребность в современных высокотехнологичных буровых установках уверенно растет на 5 – 10 % в год.

При этом российские производители этого сегмента часто выступают сборочными цехами: их продукция более чем на 50 % состоит из импортных комплектующих. Поэтому цена сравнима с импортными аналогами, хотя разница в качестве остается.

Но и здесь 10 % пошлины может быть достаточно лишь для временного выравнивания конкурентных позиций. Импортное оборудование остается более надежным, а российские производители не получают ресурсов, достаточных для выхода на новый уровень. Протекционистский барьер сам по себе, без возможностей глубокой модернизации, лишь замедлит процесс утраты рынка, как это было в автопроме.

Впрочем, требовать комплексного стратегического подхода от отраслевых лоббистов с их объективно обусловленным краткосрочным горизонтом планирования недобросовестно: это по силам лишь государству.

А консолидация отраслевых сил для продвижения интересов (причем не только через собственное правительство, но и через Комиссию всего Таможенного союза) уже является значительным достижением.

Основными лоббистами введения пошлин были, насколько можно судить, ООО «ВЗБТ» (Волгоградский завод буровой техники), «Уралмаш – буровое оборудование» (УрБО) и Уральский завод тяжелого машиностроения. Результата удалось добиться после разрешения конфликта между нефтесервисной компанией «Интегра», основным активом которой был производящий тяжелые буровые установки УрБО, и контролируемые Газпромбанком «Объединенными машиностроительными заводами». Конфликт был разрешен прошлым летом продажей «Интегр» УрБО группе United Capital Partners (UCP), подконтрольной экс-президенту Deutsche UFG Илье Щербовичу, за 40 млн. долл. и некие «корректирующие платежи» (купила «Интегра» актив в 2005 году за 28,7 млн. долл.). UCP довольно тесно сотрудничала с Газпромбанком, и, хотя никто прямо не связывает конфликт с продажей УрБО, рост лоббистской эффективности отрасли после нее очевиден.

Концентрация производства, приход новых инвесторов повышают лоббистский потенциал, но отраслевые решения недостаточны для решения стратегических проблем.

Повышение ввозных пошлин даст российским производителям короткую передышку, заведомо недостаточную для модернизации. А удорожание качественных буровых установок повысит издержки отрасли и окажет сдерживающее влияние на бурение и в целом меры поддержания уровней добычи. Недополученная из-за этого нефть за время амортизации буровых установок (7 – 10 лет)кратно превысит доходы бюджета от ввозных пошлин.

Правда, пошлина так долго не продержится: после присоединения к ВТО ее придется отменять. Ведь ВТО запрещает повышать общий уровень тарифной защиты экономики, а поддержка бедствующих отраслей, которых будет много, потребует отмены защиты благополучных сфер.

Даже предложение Минэнерго прямо субсидировать приобретение российских буровых установок лучше пошлины в силу прозрачности, отсутствия неконтролируемых потерь для бюджета и возможности финансирования модернизации отрасли.

Впрочем, обе идеи, продиктованные отраслевыми лоббистами, – полумеры: нужна комплексная модернизация, а поддержание отрасли в придушенном состоянии в надежде на победу над лучшими производителями мира при небольшой поддержке – маниловщина чистой воды.

30.11.2011

В тупике корпоративного шантажа

Объясняя на заре олигархического капитализма причины создания финансово-промышленной группы, один из видных банкиров называл среди прочего и заботу о безопасности: проблемы образующего группу банка дезорганизуют работу десятков заводов, лишат зарплаты сотни тысяч людей, вызовут неприемлемое для государства социальное напряжение – и тем самым вынудят государство оказать помощь.

С тех пор шантаж государства социальным напряжением стал едва ли не нормой – от шахтеров, вытолкнутых на рельсы в преддверии дефолта 1998 года, до моногородов, демонстрация трагедий которых в кризис 2008–2009 годов сэкономила олигархам огромные деньги за счет вынужденной помощи государства.

Успешная бизнес-практика тиражируется, и сейчас инструментом корпоративного шантажа может внезапно для себя оказаться, похоже, уже почти любой россиянин.

Один из сюжетов такого рода разворачивается прямо сейчас – возможно, с неосознанным участием кого-то из наших читателей.

Одним из механизмов вождельного государственно-частного партнерства является «назначенный перевозчик» – авиакомпания, которая гарантирует бесперебойность рейсов, в том числе и в «низкий» сезон, когда самолеты летают порой полупустыми, а часть билетов реализуется по бросовым ценам. Связанные с этим издержки (упущенную прибыль, а то и прямые убытки) она по согласованию с государством компенсирует (возможно, что и с лихвой) в «высокий» сезон, когда аэропорты ломятся от толп туристов.

Разумеется, данный механизм, как и любую форму государственно-частного партнерства, можно критиковать, однако отсутствие скандалов из-за неправомерного отказа в получении статуса назначенного перевозчика свидетельствует, что он молчаливо признается участниками отрасли в целом справедливым.

Что, разумеется, отнюдь не мешает им с энтузиазмом пробовать его на прочность.

В прошлом году не являющиеся «назначенными авиаперевозчиками» «Трансаэро» и «ВИМ-авиа» получили разрешения Росавиации на перевозки пассажиров в сезон отпусков на Кипр и в Болгарию. После протеста «назначенных авиаперевозчиков» – соответственно «Аэрофлота» и «Сибири» – разрешение было отозвано, но авиакомпании оспорили его в судах и в итоге выполнили рейсы. Таким образом, они «сняли сливки» с «высокого» сезона за счет «назначенных перевозчиков», получив перед ними весомое неконкурентное преимущество.

Вероятно, воодушевленная успехом, «Трансаэро» повторяет эту схему сейчас. Не имея соответствующего разрешения Росавиации на выполнение рейсов в Рим, Милан и Венецию на Новый год, «Трансаэро» через свою дочернюю фирму развернула активную продажу билетов на эти направления – на рейсы, которые сегодня просто не могут вылететь. При этом представители компании, разумеется, тактично умалчивают об отзыве разрешения и справедливо указывают, что они лично не несут ответственности за деятельность дочерней фирмы «Трансаэро».

Вероятно, после продажи через «Трансаэро-тур» достаточного числа билетов авиакомпания рассчитывает принудить Росавиацию восстановить отозванное разрешение, угрожая перспективой повторного, на сей раз уже рукотворного новогоднего коллапса в «Домодедово». В конце ноября Росавиация направила в «Трансаэро» требование прекратить продажу билетов на не имеющие разрешения рейсы, однако почта в наше время ходит медленно, документы читаются вдумчиво, а «Трансаэро» сама билетов предусмотрительно не продает. Самое же главное заключается в том, что, если даже «Трансаэро» и подчинится заведомо запоздалому требованию регулятора (а не бросится в суд, как в прошлом году), пассажиры,

заблаговременно купившие билеты у «Трансаэро-тур» на отмененные рейсы, окажутся в состоянии неопределенности: в лучшем случае им вернут деньги, а в худшем они могут узнать о своей утрате лишь по прибытии в аэропорт отправления.

Одним словом, последствия могут быть нешуточными: социальный взрыв несостоявшихся отпускников в канун Нового года – совсем не то, что нужно сейчас государству. Очевидно, что все это было бы невозможно при четкой политике Минтранса, но о ней остается лишь мечтать. Насколько можно судить, отсутствие установленных министерством обязательных для всех правил, прожектерство и внутренняя противоречивость действий приглашают бизнес к нарушениям в надежде на последующие уступки. И, наконец, просто вопиющим является отношение Минтранса к сегодняшней истории с итальянскими рейсами «Трансаэро». Представитель ведомства заявил, что все это не имеет к ним никакого отношения: мол, все вопросы необходимо адресовать Росавиации. Между тем по статусу Росавиация является всего лишь одним из подразделений Минтранса, так что говорить о его непричастности к данной ситуации просто абсурдно.

Со стороны же авиакомпании мы видим, насколько можно судить, корпоративный шантаж государства, ставший, по сути дела, важным элементом бизнес-модели. Шантаж, использующий в качестве заложников ни в чем не виновных и даже ни о чем не подозревающих пассажиров, просто купивших билеты у одной из российских авиакомпаний. Попытки покончить с ним могут привести к инициированию недобросовестными перевозчиками новых транспортных катастроф, дискредитации российских авиакомпаний как таковых и бегству российских пассажиров «под крыло» иностранных компаний.

Каждый же успешный случай такого шантажа будет увеличивать его масштабы, подрывая бизнес ответственно сотрудничающих с государством перевозчиков и подтачивая уже не только регулирование локального рынка, но и саму российскую государственность.

12.01.2011

ГДЕ НАШ СТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФОНД?

Стабфонд: отдать народу или хранить вечно?

(М. Делягин в передаче на радио «Эхо Москвы», 12.02.2008)

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Здравствуйте, уважаемые зрители и радиослушатели. В эфире программа «Клинич», программа для тех, кто имеет свое мнение и готов спорить в этой студии. Сегодня мы будем говорить о Стабфонде – все знают, слышали о том, что он существует. Стабфонд, как принято говорить, это излишки от денег за нефть и газ, и все вокруг спорят, что с ним делать. Если хранить его нетронутым – то сколько? Если пустить в дело – на какое дело? Об этом будет интересный спор, и в нем принимает участие известный журналист Юлия Латынина.

Ю. ЛАТЫНИНА: Здравствуйте.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: И руководитель Института проблем глобализации Михаил Делягин, здравствуйте.

М. ДЕЛЯГИН: Добрый вечер.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Сейчас мы проведем голосование, у нас в программе два голосования, и мы сразу начнем первое. Аргументы наших гостей вы услышите поздно, более того, вам пока еще не ясно, кто и за что, потому что личностный фактор здесь играет огромную роль, поэтому голосование у нас будет достаточно чистое. Итак, что делать со Стабфондом? Отдать народу, – считать это синонимом «пустить в дело», – или хранить вечно, то есть, длительное время... Голосование началось. Вот теперь, когда тенденция определилась и вряд ли вы сможете изменить ее своим красноречием, тем более, что у вас не очень много времени на это, пожалуйста, буквально одним словом скажите вашу точку зрения – что делать и почему.

Ю. ЛАТЫНИНА: Один маленький момент. Первый раз я заметила, как хотят поделить Стабфонд после Беслана, когда на улицы вышли демонстрации людей и они несли, среди прочих плакатов: «ЦБ – перестань хранить деньги в американских долларах». Те люди, которые пустили эти демонстрации на улицы, после Беслана думали – кто о чем, а вшивый – о бане. Даже без всяких экономических соображений – я не очень верю людям, которые убив детей, устроив этот ужас в Осетии, в эту самую секунду начинают говорить о том, что теперь мы под этим предлогом еще дорвемся до Стабфонда и возьмем его – я этим людям не верю и глубоко их презираю.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Михаил?

М. ДЕЛЯГИН: Юлия, а если бы в этой демонстрации шли люди с плакатом, на котором было бы написано «дважды два – четыре», – вы бы перестали верить в таблицу умножения? Моя точка зрения – деньги российских граждан должны работать на Россию, на российских граждан, а не на наших стратегических конкурентов.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Понятно. Теперь результаты голосования. Итак, что делать со Стабфондом – не трогать или пустить в ход.

Ю. ЛАТЫНИНА: Люди наверняка сказали, что им хочется дорваться до кубышки.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Люди не так сказали. Я спросил – не трогать? За «не трогать» – 20,1 %. А «пустить в ход» – не «дорваться до кубышки» – вот что делать с этой кубышкой,

мы как раз и будем говорить сегодня, просто люди считают, что чего-то с ними надо делать. За это проголосовало 79,9 %. Переходим к дискуссии. Итак, Ю. Латынина – почему «нет»?

Ю. ЛАТЫНИНА: Нет потому, что сейчас в различных коллегиях, идущих в различных министерствах, выясняется, что российские капитальные вложения – те инвестиции, которые выделены, освоены на 60–65 %. Причина неофициальная, которая известна всем чиновникам, почему это 60–65 %, а не больше, заключается в том, что откаты за освоение этих средств стали настолько большими, что нет смысла связываться. Недавно я разговаривала с одним своим приятелем, который выиграл подряд на строительство Гимринского тоннеля в Дагестане. Подряд стоил 3,5 млрд. рублей. Сначала к нему пришел человек, которому он не мог отказать, потому что на этом человеке очень много трупов, и попросил 30 % отката – это было по-божески, и человек сказал «да». Но потом к этому человеку пришли местные ваххабиты гимринские, и сказали – парень, с тебя столько-то. И это еще было бы нормально, но вот пришел другой человек, покойный Гази-Магомед Гимринский, главный азевс Дагестана, который с одной стороны был ваххабитом, а с другой стороны считался агентом ФСБ, и сказал – нет, я тут главный по лавке, с тебя еще столько-то. И вот этот человек не выдержал, сказал – вы хоть разберитесь, кому мне платить – этим ваххабитам или этим ваххабитам? Они разобрались: Гази-Магомеда, как известно, убили. А люди от подряда отказались. Они посчитали, сколько еще к ним придут и сколько еще раз их убьют, и просто отказались. И я знаю таких случаев очень много. Только случай описан в газете – наша замечательная система «Глонасс», на которую выделено 18 млрд. рублей государственных инвестиций. Деньги пропали бесследно. После нескольких лет после того, как они пропали бесследно, С.Б. Иванов, вероятно понимая, что Путин его убьет, пошел в какое-то знакомое НИИ и там бесплатно ему что-то сделали на подложке из гжельской глины. Все детали были иностранные, весило это чудо в два раза больше, чем иностранный аналог, показывало в три раза менее точно – причем, это было все в единичном экземпляре, то есть это вообще не используется. Ребята, где 18 млрд. рублей?

Ребята, вы хотя бы договоритесь с собой так, чтобы хотя бы воровать было рентабельно, потому что уже бюджетные средства люди не берут, потому что они думают, – вот мой знакомый так рассуждает, один бизнесмен: ему было выделено несколько миллионов бюджетных долларов. Он их не взял, потому что рассуждения были примерно такие: 50 % придется дать отката, потом еще замучают проверками и сверками, придут проверяющие и возьмут в итоге гораздо больше чем то, что я получу от государства.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Да еще и Иванов накричит.

Ю. ЛАТЫНИНА: Да. И потом придет МВД, ФСБ, Санинспекция, Митволь, Онищенко и скажут, что у вас муравьи по рукам ползают.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Понятно, Михаил?

М. ДЕЛЯГИН: Мне недавно пришлось быть свидетелем двух экспертов по оборонной российской отрасли, которые чуть не сцепились. Тема дискуссии была такая – у нас средний откат по Гособоронзаказу 50 % еще или уже 70 % – они не могли сойтись в цифре. Приводили конкретные примеры и так далее. Есть две разные темы. Первое – как оно должно быть и как оно происходит у нас сейчас.

Ю. ЛАТЫНИНА: Что значит – должно быть? Мы живем здесь и сейчас.

М. ДЕЛЯГИН: Если мы исходим из того, что 70 % отката это нормально и так будет всегда – напомним, что в потребкооперации Чечено-Ингушской АССР в 1988 г. откат был 80 %. То есть, нам, в принципе, расти не так уж и далеко – вот она Чечня, Чечено-Ингушетия, извините. Если мы будем исходить из того, что это навсегда, это правильно и так оно и должно быть, так дорогие коллеги, тогда любой разговор про экономику не имеет смысла. Потому что, как вы процитировали тов. Путина, – я себе даже записал: «разворуют».

Ю. ЛАТЫНИНА: По-моему, это Греф сказал все-таки.

М. ДЕЛЯГИН: Не важно. Они напутали с местоимениями – там должно быть не «разворуют», а «разворуем», – но это детали и лирика. Если мы будем исходить из этого, тогда никакая экономическая политика – ее и обсуждать не нужно, потому что: а) украдут, б) все правильно, и вообще мы все умрем.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Извините, я бы хотел напомнить один момент – мы не обсуждаем сейчас стратегию построения экономики России. У нас конкретный вопрос – что делать со Стабфондом – не трогать или пустить в ход? Это тема нашей передачи.

М. ДЕЛЯГИН: В стране, в которой 12 % населения испытывают нехватку денег для покупки еды и являются нищими, возможно искоренить нищету, – это будет стоить копейки, – и даже связанная с этим коррупция будет не чрезмерно опасной. Простой пример – у нас огромное количество семей, по-моему, 20 % семей получают дотации на ЖКХ. Как устроено ЖКХ, понятно, и дотации очень маленькие и смешные, но они эту дотацию получают, им можно жить. У нас реализуются некоторые проекты по экспортной инфраструктуре. Я не беру Тихоокеанский трубопровод, который построить, судя по всему, нельзя, но некоторые удаются. То есть, некоторые вещи сделать удается. То есть, теоретически можно на некоторых направлениях ограничить коррупцию до относительно безопасного уровня.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Юля?

Ю. ЛАТЫНИНА: Сначала все-таки я бы хотела напомнить, как образовался Стабилизационный фонд и перевести на русский язык это понятие. Стабфонд образовался примерно так: представьте себе – вы секретарша, получаете 500 долларов.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Блондинка?

Ю. ЛАТЫНИНА: Неважно. У вас муж, двое детей, больная мать, живете вы в конуре.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Точно не блондинка.

Ю. ЛАТЫНИНА: Точно не блондинка. Приходит к вам государство, говорит – знаете, вот вы получаете 500 долларов, но завтра на Россию падает метеорит, он уничтожит Россию. Надо, чтобы вы затянули потуже пояса, 450 долларов отдали государству, а мы что-то такое построим, что метеорит разгрохает. Хорошо, – вам есть нечего, мать умирает, дети ходят в обносках, но вы отдаете 450 долларов. Потому что действительно упадет метеорит. Прошло несколько месяцев, метеорит не упал. Вам говорят, вы знаете, мы тут в государстве скопили столько денег, у нас есть распорядитель этого метеоритного фонда, у него брат выращивает кактусы. И мы решили, что надо помочь народу из этих денег – пожалуйста, мы вам в квартиру купим кактусы на 450 долларов. Э, говорит секретарша, во-первых, кактус не стоит 450 долларов. Во-вторых, я не хочу кактус, я хочу еды своим детям и лекарств своей матери. Если вам больше не нужны эти 450 долларов, отдайте их, пожалуйста, мне – я их сама потрачу. Вот когда нам говорят, как надо распорядиться Стабфондом, причем говорят – «мы будем помогать бедным» – окститесь, ребята, у нас собраны налоги, сверхналоги, задушена при этом предпринимательская деятельность, не хватает инвестиций тем людям, с которых собрали налоги. Причем, даже нельзя говорить, что это только предприятия, потому что все равно с нас собирают налоги. Тогда давайте уменьшите налоги с нас, оставьте средними, или уменьшите налоги с предприятий. И дайте нам самим распоряжаться этими деньгами. А нам люди, которые говорят – мы будем за вас бороться с бедностью, мы будем вам, бедным, помогать – сначала отобрали с нас эти деньги, а потом говорят – а мы вам купим кактус за 450 долларов, а мать ваша пусть сдохнет и дети пусть ходят в обносках.

М. ДЕЛЯГИН: Честно говоря, совсем не понял логики. Потому что, во-первых, у нас отбирают в виде налогов не 450 долларов с 500 – это раз. Во-вторых, я не очень понимаю, почему борьба с бедностью – это покупка кактусов.

Ю. ЛАТЫНИНА: А так получается в России.

М. ДЕЛЯГИН: Все-таки Россия страна не идиотов. Если где-то кто-то ворует, то это проблема, а не норма. Налоги – тут я, конечно, скажу вещи, от которых все наше бизнес-сообщество начнет материться.

Ю. ЛАТЫНИНА: Хорошо, пусть не покупка кактусов, но я имею право тратить эти деньги сама.

М. ДЕЛЯГИН: Правильно. Тов. Абрамович будет эти деньги тратить сам, а секретарша, у которой этих денег нет, их тратить не будет. Сейчас мы можем обсуждать, как у нас устроен рынок труда и все остальное. Но я все-таки хочу вернуться – налоги у нас, за исключением одного – единого социального налога – низкие у нас налоги. У нас высокая норма воровства и вымогательства. А налоги у нас низкие. И удушение экономики налогами у нас не происходит. Если сравнивать с государством Науру, тогда можно хвататься за голову, но у нас низкое налогообложение. Оно у нас по-дурацки устроено, но кроме Единого социального налога...

Ю. ЛАТЫНИНА: Как же тогда у нас в Стабфонде образовалось так много денег?

М. ДЕЛЯГИН: Стабфонд образовался потому, что цены на нефть выросли в десять раз, и государство категорически не хотело тратить деньги на что бы то ни было. У него атрофировались органы, которыми можно было что-то строить.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Прошу прощения. Я могу вмешиваться, как ведущий, когда спора нет. Дело в том, что вы мне сейчас атрофируете все, что можно только атрофировать. Моя задача, чтобы был спор, и я пойду на все. Из монолога Латыниной я понял простую вещь – а вы кивайте головой, если я вас пойму правильно.

М. ДЕЛЯГИН: Я за вас радуюсь.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Подождите. Либо есть спор, либо спора нет. Либо есть разные точки зрения, либо нет. Как я понимаю Латынину – в государство приходят деньги. Деньги большие, которые приходят за продажу нефти и газа. Государство говорит – мы тебе не дадим эти деньги, потому что у нас будут спецпроекты, нужные для страны.

М. ДЕЛЯГИН: Да, правильно.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: А спецпроекты получают такие, которые то левые, то зеленые, то коричневые, в то время как тебе нужны красные.

Ю. ЛАТЫНИНА: Нет.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Я неправильно понял?

Ю. ЛАТЫНИНА: Неправильно. Когда организовывался Стабфонд, нам сказали, что это потому, что цены на нефть когда-нибудь уменьшатся, все рухнет, и чтобы расплатиться по долгам, нам нужны будут эти деньги – это заначка: секретарше сказали, что завтра на нас упадет метеорит.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Ну, правильно. Вот эти деньги скопили.

Ю. ЛАТЫНИНА: Скопили. Метеорита нет, все нормально. Но не вы будете тратить эти деньги, а мы будем тратить эти деньги.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Так я это и говорю – я только что это подтвердил. Государство говорит – мы знаем, как их потратить. Вы говорите – дайте мне мою долю, которая там.

М. ДЕЛЯГИН: Я все понял. Я понял, в чем проблема.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Только не разворачивайтесь спиной к зрителям – вы их презираете?

М. ДЕЛЯГИН: Нет, я их очень люблю, поэтому стараюсь избавить их от выражения моего лица, когда я понял, что вы сейчас сказали.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: То есть, вы, Юлия, имеете в виду, что в первую очередь – ведь ваша позиция не разбазаривать Стабфонд, не пускать его на эти всякие проекты.

М. ДЕЛЯГИН: Пусть секретарша умрет.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Вы имеете в виду, что пока не будет ясно, как и куда.

Ю. ЛАТЫНИНА: Нет, я имею в виду, что секретарше надо отдать эти 450 долларов – пусть тратит сама на то, что хочет. Их у нее забрали.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: То есть, другими словами, всю эту гору денег надо распределить секретаршам?

Ю. ЛАТЫНИНА: Нет. Вот эта гора денег пусть остается – иначе там будут страшные вещи, связанные с инфляцией.

М. ДЕЛЯГИН: Не будет ничего.

Ю. ЛАТЫНИНА: А теперь снизьте налоги – раз у вас такие большие деньги идут в Стабфонд, и пусть те люди, которые отдавали эти деньги государству, будут тратить их сами, вместо того чтобы к ним приходил чиновник и говорил: а я хочу, чтобы система «Гланас».

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Или какой-то национальный проект. Понял.

М. ДЕЛЯГИН: Смею вас заверить – секретарша, которая в Москве получает 500 долларов, обычно с этих денег налоги не платит – это раз. Второе – подоходный налог составляет 13 %. Я не уверен, что если секретарше добавить 13 % к ее 500 долларам, ее жизнь кардинально улучшится и она задышит полной грудью – это не 450 и 50, это существенно меньше. И, наконец, самое главное – государство придумано, и вообще-то государство терпят, потому что у него есть некие неотъемлемые функции, которые отдельно взятые секретарши сами по себе решить не могут. В частности, – на что тратить большие деньги. У нас в стране в прошлом году сократился объем грузовых перевозок железнодорожным транспортом – у нас теперь в основном по автодорогам. У нас в стране 4 года сокращается протяженность дорог с твердым покрытием – они просто разбиваются, и их никто не строит.

Ю. ЛАТЫНИНА: Гимринский тоннель.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: То есть, вы подтверждаете то, что пишет Мария Ивановна: «Давайте хоть дороги построим, сменим стояки в домах, закупим во все поликлиники томографы» – вы это имеете в виду? давайте пускать эти деньги куда-то?

М. ДЕЛЯГИН: Есть два направления. Первое – восстановление человеческого потенциала, самое простое – борьба с нищетой. Самое простое – обеспечить всем прожиточный минимум, потому что прожиточный минимум – это экономическое выражение права человека на жизнь. На это имеет право каждый человек.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Пишу – борьба с нищетой.

М. ДЕЛЯГИН: Это стоит 10 миллиардов долларов в год – это немного относительно наших денег. Второе – субсидии по ЖКХ выплачивать не когда ЖКХ 22 % от доходов семьи, а когда 10 % от доходов семьи – это ясные, простые вещи. Второе – модернизация инфраструктуры. Берем проект, его начинают осуществлять. После этого товарищей, которые на этом деле украли, сажаем. Так 4 раза подряд. На пятый раз подряд уровень воровства снижается до безопасного уровня. Все.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ: Юля, – борьба с нищетой, ЖКХ, инфраструктура. Вы против найдете какие-то слова?

М. ДЕЛЯГИН: Конечно, найдет.

Ю. ЛАТЫНИНА: Конечно, найду. Потому что уже сказала, что из денег, которые сейчас выделены, осваиваются только 60 %. Потому что степень воровства нерентабельна. А что касается модернизации инфраструктуры – расскажу маленькую историю, которая у меня происходит сейчас и меня достает уже полтора месяца. У меня родители живут неподалеку от меня, за городом, и у них есть частная телефонная компания, которая им предоставляет телефонные услуги и маленький Интернет-провайдер, местный, не буду называть его имени, чтобы его не раскулачили – это называется буквально «Простоквашино он-лайн», там работают три человека – отец, сын, мальчик 16 лет, который все бегаёт, делает. И мама, которая им ведет бухгалтерские записи. Они обслуживают втроем, протянули оптоволокно в десятки домов. Каждую секунду – если у них что-то не так, они прибегают, все сделают – идеально

приспособлены. Я, к сожалению, живу в нескольких километрах оттуда, я не могу провести себе это оптоволокно, меня обслуживает замечательная государственная компания, «Центртелеком» называется. Во-первых, у нее что-то очень странное с телефоном, потому что для того, чтобы позвонить по моему Одинцовскому «Центртелекому» в Москвы или по прямому сотовому номеру, надо знать, какой внутренний код сети ты должен набирать. А когда в Москву звонишь, иногда набираешь 495, а иногда не набираешь. То есть, процесс набора телефона увлекателен. К сожалению, при этом линия всегда перегружена – то есть, эту увлекательность надо умножить на пять, а когда дозваниваешься – плохо слышно. Но это все лирика, потому что это все происходит с телефоном, – есть хотя бы сотовый. А с Интернетом вообще замечательно. С 1 января у меня не было Интернета две недели. Дозвониться мы не могли сутками – провайдер просто умер. Потом он включился на три дня, и умер опять. Мы опять не могли дозвониться сутками – звонили часами. Два раза умудрились дозвониться – после 8 часов дозвона. Нам сказали – мы сейчас вам перезвоним, и не перезвонил. Потом нам сказали – мы в течение 5 дней решим проблему. В конце концов в воскресенье – вы не представляете – после нескольких часов дозвона мы дозвонились, кто-то щелкнул клавишей, и у меня через 24 суток появился Интернет – я не знаю, насколько. Это была государственная компания, инвестиций в которую требует Миша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.